

Марк Твен

ПРИНЦ
НИЩИЙ

Перевод
Алексея Козлова

Марк Твен

**Принц и Нищий. Перевод
Алексея Козлова**

«Издательские решения»

Твен М.

Принц и Нищий. Перевод Алексея Козлова / М. Твен —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938018-0

Новый, адаптированный перевод Алексея Козлова знаменитой повести Марка Твена (Самюэля Клеменса) «Принц и Нищий» («The Prince and the Pauper»)

ISBN 978-5-44-938018-0

© Твен М.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. Рождение Принца и рождение Нищего	6
Глава II. Детство Тома	7
Глава III. Том встречает принца	10
Глава IV. Начало бед Принца	15
Глава V. Том – Патриций	18
Глава VI. Наставления Тома	23
Глава VII. Первый королевский ужин Тома	28
Глава VIII. Где печать?	31
Глава IX. Река	33
Глава X. Беды Принца	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Принц и Нищий

Перевод Алексея Козлова

Марк Твен

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Марк Твен, 2018

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2018

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2018

ISBN 978-5-4493-8018-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я расскажу вам эту историю, как мне её рассказывал один человек, который когда-то как-то слышал её от своего отца, а тот в свою очередь слышал от своего, а тот – от своего и так далее, и тому подобное, всё глубже и глубже в прошлое, и так триста лет и более их отцы рассказывали её своим сыновьям, таким образом, сохранив её для нас. Может быть, всё это было на самом деле, может быть это только сплетня, легенда, дань традиции. Это могло случиться наверняка, этого могло не быть вовсе, но мне кажется, что это несомненно было! Пусть мудрецы и книгочеи узнали эту историю в далёкие времена, зато простые люди любят её до сих пор.

«Двойным добром нас дарит милосердье,

Кто милует, блажен, блажен и тот,

Кто милован. Оно виднее

В делах у сильных мира – королей,

И служит украшеньем их короны!»

Шекспир. «Венецианский купец»

Глава I. Рождение Принца и рождение Нищего

Во второй четверти долгого шестнадцатого века, в старом городе Лондоне одним мрачным осенним днём в бедной семье, носившей фамилию Кенти, родился никому не ведомый английский мальчик, и его появление на свет было не замечено никем. Да и сам он был совершенно никому не нужен! В тот же день в богатой семье по фамилии Тюдор родился еще один английский мальчик, на появление которого все надеялись и которому все были несказанно рады. Вся Англия боготворила его. Вся Англия желала его, вся Англия надеялась на него, вся Англия так усердно молилась за него Богу, что теперь, когда он появился на свет, люди просто посходили с ума от радости. Знакомые обнимались, люди целовались и плакали. Везде звучала музыка, и звенели радостные голоса. У всех был праздник, и высокий и низкий, богатый и бедный, здоровые и больные, все они пировали, танцевали, пели и пили, и так продолжалось несколько дней и ночей кряду. Днем Лондон пестрил цветастыми флагами, вымпелами и лентами, реявшими со всех балконов и крыш, и любой в толпе был поражён грандиозным великолепием этих шествий. На каждом углу пылали огромные костры, и ночью на улицах было светло, как днём. Целые полчища гуляк сутки напролёт веселились и плясали вокруг. Все слова всей огромной Англии произносились только во славу долгожданного новорожденного наследника престола – Эдварда Тюдора, принца Уэльского, который лежал теперь в шелках и атласах, не понимая всей этой суеты, и не зная, что великие лорды и дамы ухаживают и наблюдают за ним – плевать ему было на всё это. Но никто и слова не сказал о другом новорожденном младенце – Томе Кенти, завёрнутом ныне в жалкие, грязные лохмотья, – никто, кроме нищего семейства, в которое вместе с Томом вошли новые тяжкие заботы и хлопоты.

Глава II. Детство Тома

Итак, пролистаем несколько лет.

В тот день городу Лондону исполнилось без малого пятнадцать столетий, и был он огромен и прекрасен. Сто тысяч жителей обретались в нём – некоторые полагают, их было вдвое больше. Улицы его были узки, как каньоны или норы, кривы и грязны, особенно там, где жил Том Кенти, а жил он совсем близко от Лондонского моста, в довольно унылом городском районе, где обреталась одна городская беднота. Дома здесь были деревянные, второй этаж всегда мрачно нависал над первым, а третий ещё дальше расставлял свои деревянные локти, почти закрывая небо. Чем выше были строения, тем шире и причудливее они возрастали. Их остовами были мощные фахверки, с глиной или кирпичами между брусом, дома, обильно белёные извёсткой. Балки были выкрашены в ярко-красный или тёмно-синий цвет, а порой бывали и черными, по мании владельца, и это придавало домам чрезвычайно живописный вид. Окна были крошечные, с мелкими ромбами стёкол, и открывались наружу, на петлях, как входные двери.

Дом, в котором жил отец Тома, ютился за Обжорным Рядом в грязном вонючем тупичке под названием Мусорный Загон. Домик был маленький, гнилой, разухабистый, и как осинное гнездо, заселённый безнадёжно испорченными семействами и несчастными одинокими бедняками. Вечно жужжащее семейство Кенти занимало грязную комнату на третьем этаже. У матери и отца было какое-то подобие кровати в углу, но Том, его бабушка и две его сестры, Бет и Нэн, не были ограничены ничем – всё они носили при себе и могли спать там, где пришлось. Им были уготованы ошмётки цветного ватного одеяла и несколько пучков древней, свалывшейся грязной соломы. Эти мусорные кучи лежали по углам, пока ночью их не разбирали на лежбища.

Бет и Нэн были пятнадцатилетними девочками-близняшками. Это были добродушные, немые, одетые в лохмотья и очень тёмные разумом существа – точные копии своей несчастной матери. Но отец и бабушка, эти столпы воспитания в большинстве семейств, здесь были сущими исчадьями. Они напивались, как только удавалось, и начинали драться друг с другом или с любым, кто попадался под руку, они ругались, мрачно и грязно, как боги, и надо сказать ругались они всегда, пьяные или трезвые, всё равно. Джон Кенти был вором, а его мать попрошайкой. Они выковали из своих нищих детей ловких профессиональных нищих, но воры из них почему-то не вышли. Среди ужасного сброда, населявшего дом, жил один человек – им не чета – добрый старый священник, выкинутый королём из дома на улицу с копеечной пенсией, отец Эндрю, и он часто отводил детей в сторону и тайно поучал их добру. Отец Эндрю сумел немного подучить Тома латыни, а также пристрастить к чтению и письму, и сделал бы тоже самое и с девочками, если бы они не боялись издевательств своих сверстниц, которые не стали бы терпеть их успехов.

Весь Мусорный Тупичок был точно таким же злачным осиным гнездом, как дом Кенти. Пьянки, ссоры и драки – были в порядке вещей, и происходили там каждую ночь и как правило заканчивались только утром. Пробитые головы среди обитателей этого ада были столь же обычным делом, как и голодное бурчание в желудках.

Но маленький Том не был несчастен. Жизнь его была тяжела, но к счастью он не осознавал этого. Все мальчишки его двора жили такой же точно жизнью, как и он, поэтому он совершенно справедливо полагал, что так и должно быть. Ночью, когда он возвращался домой с пустыми руками, он уже заранее знал, что его отец будет клясть и скорее всего, избьёт его до полусмерти, а когда он закончит, его жуткая бабушка побьёт и изругает его снова и только глубокой ночью его голодающая, измождённая мать скользнёт к нему с крошечной

сухой корочкой или жалкими объедками, которые она втайне приберегла для него, несмотря на то, что за это она часто была изловлена и жестоко бита своим немилосердным мужем.

Нет, жизнь Тома была не такой плохой, особенно летом. Летом он нищенствовал, и во время нищенства молился, чтобы не попасться констеблям, потому что законы против бродяжничества были ужасно строгими, а штрафы слишком тяжкими, поэтому много времени он проводил, слушая очаровательные старые истории и легенды отца Эндрю о великанах и феях, гномах и святых, заколдованных летающих замках и великолепных египетских фараонах и арабских шейхах. Его голова была целиком забита этими замечательными баснями, и множество ночей, когда он лежал в темноте на своей скудной и жесткой соломе, усталый, голодный, страдающий от жестоких побоев, ему ничего не оставалось, как дать волю своему воображению и забыть о своих болях, рисуя в своём горячечном уме восхитительный образ сладкой жизни величественного принца в роскошном царском дворце со львами и жирафами. Всё время, все дни и ночи его преследовала мечта – он хотел увидеть настоящего принца. Однажды он поведал об этом своим приятелям, бродившим с ним по грязному двору, но они подняли его на смех и безжалостно издевались над ним, что он с тех пор решил держать свои мечты при себе.

Священник часто давал ему свои старинные книги, и заставлял Тома пересказывать и толковать их. Мечты и книги сильно изменили Тома. Его мечты были такими прекрасными, что он стал стыдиться своей потертой, грязной одежды, стыдиться своих грязных рук, и отныне хотел ходить чистым и опрятным. Он продолжал играть в грязи вместе с другими детьми, и как прежде наслаждался этими играми, но вместо того, чтобы брызгаться в Темзе ради удовольствия, он начал находить удовольствие оттого, что речная вода смывала с него городскую пыль и грязь.

Том всегда находил что-то интересное в том, что творилось вокруг Майпола или в Стрит-сайде, и на ярмарках, и время от времени у него, как и у многих жителей Лондона был шанс увидеть пышный военный парад, когда по суше или на барке какой-нибудь знаменитый бедолага доставлялся в застенки Тауэра. В один летний день он увидел, как бедную Анну Аскью, и ещё троих мужчин сожгли на костре в Смитфилде, и слышал, как бывший епископ читал пред ними нудную, тоскливую проповедь, которая Тома совершенно не заинтересовала, а усыпить могла. Да, жизнь Тома в целом была довольно разнообразной и даже можно сказать в целом – приятной.

Постоянное чтение книг и мечты Тома о королевской жизни так сильно повлияли на него, что он начал бессознательно играть роль природного принца. Его речь и манеры стали курьёзно торжественными и церемонными, к огромному восхищению и потехе его близких. Но и влияние Тома среди этих молодых людей росло изо дня в день, и скоро его приятели стали смотреть на него с таким-то изумленным благоговением, как будто он был высшим существом, небожителем. Они уверились, что он всё знает! Да, он мог делать и говорить такие чудесные вещи! Он был таким глубоким и мудрым в своих суждениях! Замечания Тома и его частые выступления сообщались мальчиками их старшим, и они также в конце концов стали обсуждать речи Тома Кенти и считать его самым одаренным и необычным созданием из всех рождённых в округе. Взрослые спрашивали у Тома совета, и их часто удивляли остроумие и мудрость его суждений. Он на самом деле стал героем для всех, кто его знал, кроме, разумеется, своей собственной семьи – она упорно не хотела видеть в нем ничего экстраординарного.

Через некоторое время Том даже организовал свой королевский двор! Он был принцем, его верными товарищами были воины из охраны, камергеры, штальмейстеры, лорды и придворные статс-дамы и даже надменные члены королевского семейства. Ежедневно лже-принца приветствовали подробными, тщательно исполненными церемониями, заимствованными Томом из пухлых исторических романов, каждый день великие дела мифического королевства обсуждались в мифическом королевском совете, и каждый день его эрзац-высочество издавало

декреты и отсылало приказы его воображаемым армиям, виртуальным флотам и вымышленным заморским наместникам и принимало парады воздушных гвардейцев на бывшей Площади Зловония.

После этого триумфа он шествовал в лохмотьях со двора и жалобным голосом выпрашивал у бредущих по дороге горожан пару фартингов, или еду, чтобы потом жадно сглотать свою сухую корку, получить порцию причитающихся побоев и оскорблений, а затем растянуться на грязной соломе, чтобы тут же забыться и предаться волшебным, чарующим снам.

И все же желание однажды взглянуть на настоящего принца во плоти, росло на нем изо дня в день, неделя за неделей, пока, наконец, не поглотило все другие его желания и не стало главной страстью его жизни.

В один холодный январский день, он отправился в свой обычный нищенский поход на улицу, и несколько часов кряду уныло бродил вверх и вниз по своему району вокруг Миннинг-Лейн и Литл-Ист-Чипу чуя, как холод кусает его голые ноги, вглядываясь в витрины магазинов и глотая голодные слюни от вида ужасных жареных свиных голов и других смертоносных изобретений столичной кухни, явленных там, – для него это были немыслимые, недоступные лакомства, еда богов и белокрылых ангелов, судя хотя бы по их запаху. Тому никогда в жизни не случалось отведать их за столом, да он и не мог мечтать об этом. Весь день моросил ледяной дождь, всё вокруг было хмурым и мрачным, грустный был день, доложу я вам. Только глубокой ночью Том добрался до своей лачуги, такой мокрый и уставший, такой голодный, что его отец и бабушка, посмотрев на его жалкое состояние, не осмелились по привычке поднять на него руку, а только дали ему звонкую оплеуху и отправили мирно спать, поощрив на сон грядущий гирляндой грязных, отборных ругательств. Долго холод, боль и голод, а также ругань и драки в доме не давали ему заснуть, но наконец его мысли затуманились и уплыли в далекие, чудесные страны, а после он заснул и очутился в компании коронованных богатеев, увешанных роскошными ювелирными украшениями, золотыми цепями и серебряными гербами восточных княжеств, а ещё позже – в кругу принцев, перед лицом слуг, которые спали перед их огромными кроватями, летая днём, как пчелы, готовые мгновенно выполнить любой королевский приказ. И тогда, как обычно, ему приснилось, что он сам принц. Всю ночь алмазная слава его королевского царства сияла над ним, он чинно двигался среди великих, надутых гордыней лордов и дам, летящих в потоках яркого, дикого свет, вдыхал невероятный аромат их пряных духов, упиваясь восхитительной музыкой, льющейся невесть откуда и благосклонно отвечал на поклоны ослепительно-разодетой толпы, когда она поспешно раздавалась, чтобы дать ему дорогу, он приветствовал их милой улыбкой и лёгким кивком своей уже слегка царственной головы. И когда он проснулся утром и узрел убожество своего нынешнего окружения, его сон имел обычное последствие – он только усилил ощущение мерзость такой жизни в миллион раз. Горечь объяла душу Тома, сердце его сломалось, и отчаянные слезы хлынули из его глаз.

Глава III. Том встречает принца

Том поднялся голодным, но даже острое чувство голода не могло изгнать из его головы темное великолепие его ночных мечтаний. Он бродил здесь и там в городе, почти не замечая, куда идет, не видя, что происходит вокруг него. Люди толкали его, и кто-то грубо рычал на него, но мысли мальчика были далеко отсюда. Наконец он оказался перед Темпл-Баром, самом дальним из строений, до которых он когда-либо добирался в своих блужданиях. Он остановился и немного подумал, затем снова погрузился в свои мысли и прошел мимо замшелых стен древней Лондонской крепости. К тому времени Стрэнд перестал быть просёлочной дорогой и даже в гордыне нарёк себя улицей, впрочем, на довольно сомнительных основаниях, потому что, хотя, с одной стороны, тут был ряд довольно компактных домов, с другой стороны были только чрезвычайно разбросанные большие здания – пышные дворцы богатых дворян, с обширными и прекрасными рощами и садами, спускающимися к реке, сейчас, кстати, эти пространства тесно заполнены мрачными закопченными бараками из кирпича и камня.

Наконец Том обнаружил себя в Чаринг-Виллидж и решил немного передохнуть, сев у красивого слегка покосившегося каменного креста, воздвигнутого там давным-давно покойным королем в честь какого-то мутного проходимца, затем прошёл по тихой, прекрасной дороге, мимо величественного дворца кардинала, к гораздо более роскошному и величественному Вестминстерскому дворцу. Он рос на глазах. Том в великом удивлении уставился на огромную кучу кирпичной кладки, широкие крылья уходящих вдаль корпусов, вечно нахмуренные бастионы и смешливые башенки, огромный крокодилий зев каменных ворот с внушительными позолоченными брусьями и великолепными массивными колоссами тщательно отполированных гранитных львов, ну и другие символы английской королевской власти. Неужели заветная мечта его души станет наконец реальностью? Перед ним действительно был королевский дворец во всём своём блеске. Неужели небеса не обратят на Тома своё внимание и не будут благосклонны к нему, неужели его мечта наконец исполнится, и он сможет увидеть настоящего принца – принца из плоти и крови?

С каждой стороны золочёных ворот стояло по живой статуе – это были прямые, величественные, совершенно неподвижные люди, облачённые с головы до пят в блестящие стальные доспехи. На почтительном расстоянии от них бродили одиночные горожане и собирались мелкими группами крестьяне, они переговаривались между собой, ожидая малейшего шанса хоть одним глазом увидеть всю королевскую семью. Великолепные кареты с роскошными пассажирами внутри, с прекрасными слугами на улице, беспрерывно въезжали и выезжали из многочисленных королевских ворот, открытых теперь нараспашку.

Бедный маленький Том, в лохмотьях, запинаясь, медленно и робко добрёл к роскошной ограде, прошел мимо безучастных часовых, с бьющимся сердцем и нарастающей надеждой, и сразу же увидел сквозь золотые слитки решётки зрелище, которое заставило его чуть не закричать от радости. Внутри, за оградой стоял маленький красивый мальчик, коричневый от южного загара и свежего воздуха, крепкий, ладный от гимнастических упражнений в спортивном зале, в одежде из лучших сортов шёлка и атласа, мальчик, сияющий свежестью и драгоценностями, мальчик, на бедре которого висел двусторонний, короткий, усыпанный драгоценностями кинжальчик, на ногах были алые лакированные сапожки с красными каблучками, а на его голове красовалась ярко-красная шапочка, с развевающимися в разные стороны перьями, скрепленными огромным, нестерпимо сверкающим на ярком солнце бриллиантом. Несколько, без всякого сомнения, важных, великолепных аристократов стояли рядом с его слугами. Ой! Это был принц, живой принц, настоящий принц крови – без тени сомнения, принц от шляпы до каблучков, в каждом своём проявлении – принц, ура, наконец-то была услышана самая святая молитва, исходившая из сердца нищего мальчугана. Дыхание Тома стало бурным

от волнения, его глаза округлились от удивления и восторга. В его голове как молния сверкнуло желание – подойти поближе к принцу и как можно лучше рассмотреть его. Том был в состоянии просто сожрать его глазами! Уже не соображая, что он делает, он повернулся лицом к воротам и с силой прижался лицом к чугунной решётке. В следующее мгновение железный солдат грубо оттолкнул его от решётки и отшвырнул в толпу городских сплетниц и лондонских бездельников, зачирикавших при этом, как галки. Солдат рявкнул:

– Знай своё место, грязный бродяжка!

Толпа зарычала и заржала, но юный принц тут же бросился к воротам, его лицо стало алым, а его глаза вспыхнули от возмущения и гнева. Обращаясь к солдату, он громко крикнул:

– Как ты смеешь так обходиться с бедным парнем? Как ты можешь бить поданных моего отца? Сейчас же открой ворота ипусти его!

Ха! Вам надо было бы видеть, как стремительно толстомясая толпа и сорвала с себя шляпы, клонясь перед принцем. Вы бы послушали, какие лужёные глотки оказались у них, когда они заготовали хором, почти как гуси:

– Да здравствует принц Уэльский!

Солдаты загремели алебардами, с грохотом открылись ворота и, когда маленький Нищий принц в своих развевающихся на ветру лохмотьях прошел внутрь, чтобы встретится там с принцем Несметных Сокровищ, железные солдафоны снова почтительно поклонились ему и юный Эдуард Тюдор сказал:

– Ты выглядишь таким уставшим и голодным! Ты обижен? Идем со мной! Тут же полдюжины слуг сделали движение, готовясь выскочить вперёд – я не знаю, зачем, должно быть, без сомнения, чтобы вмешаться. Но они были отброшены властным королевским жестом, и остановились, мгновенно превратившись в недвижные живые статуи, такие же, каких полно было во дворе королевского дворца. Эдуард отвел Тома в роскошные сверкающие апартаменты во дворце, которые он назвал «своим личным кабинетом». По его приказу была принесена такая трапеза, с такими яствами и приборами, к которыми Том никогда в жизни не мог коснуться даже пальцем, и о которых мог знать только из книг. Принц, с истинно королевской деликатностью любезно отослал слуг, чтобы не смущать скромного гостя их навязчивым вниманием, затем сел рядом и пока Том ел, посвятил время расспросам и разговорам.

– Как твое имя, парень?

– Том Кенти, ваша светлость!

– Странное у тебя имя! Где ты живёшь?

– В городе, сэр, осмелюсь сказать, сэр. Район Обжорный Ряд, сэр, Улица у канавы, тупик Мусорный Загон! Таков мой адрес, ваша честь!

– Боже правый! Какие имена! Какие названия! Поистине, чудо! Но есть клички ещё страннее! У вас есть родители, сэр? Они живы?

– Живы! У родителей есть я, сэр, бабуля у меня есть, хотел бы сказать, что хорошая, простите меня, если совру, если что не так скажу и в лужу пукну – также сестры-близнецы, Нэн и Бет!

– Нэн и Бет – прощай-привет! Я так понял, по твоему виду, что твоя бабулька не слишком уж любезна к тебе, как я вижу?

– О, найти бы мне того, к кому она была любезна хоть раз в жизни, я бы поставил ему памятник! Не знаю, кто ей сможет угодить! У неё такое злобное сердце, что она всё время делает только зло! Добро в голову ей не втемяшится ни за что в жизни!

– Чем же она тебя обидела?

– Бывает раза два в год, что её руки отдыхают, и она не лупит меня, как сидорову козу! Это тогда, когда она спит или напивается до одури! Но когда она просыпается или приходит в себя с бодуна, жди беды – тогда она начинает лупить меня смертным боем!

В глазах маленького принца появился стальной блеск, и он закричал:

– Как? Тебя бьют?

– О да! Смею вам признаться, сэр! Бьют!

– Бьют!? А между тем ты такой хрупкий и маленький! Слушай меня! До наступающей ночи я велю бросить её в Тауэр! В Башню! Король, мой отец...

– Сэр, вы забываете, сэр, она такого низкого происхождения, сэр... Сэр! В башне Тауэра, по-моему, есть места только для знатных особ, а не для таких нищелюбивых!

– Правда! Действительно так! Я и не подумал об этом! А ты неглупый мальчик, как я смотрю! Как тебя зовут? Ты, кажется, говорил? Я обдумаю, как её лучше наказать! Твой отец добр к тебе?

– Не больше, чем бабулька Кенти, сэр! Пьяный, он лупит меня, как сидорову козу, а излупив, напивается до чёртиков!

– Скорее всего, отцы все одинаковы! Но я тоже не промах! У моего отца тяжелая рука, но меня он милует. Язык у него как помело, никого не жалуется! Как твоя мать относится к тебе?

– Хорошо, сэр, она жалеет меня, не обижает и не бьёт! И Нэн и Бет в этом очень схожи с ней!

– Сколько им лет?

– Если позволите, по пятнадцать, сэр!

– Леди Элизабет, моя сестра, четырнадцати лет, и леди Джейн Грей, моя двоюродная сестра —они мои одногодки, что скажешь, они милы и приветливы, как коровы, но моя сестра леди Мари не может расстаться с таким мрачным выражением на лице, что мне порой кажется, что у нас каждый день поминки... А можно у вас удостовериться, сэр?.. Мне интересно знать! Ваши сестры, сэр, случайно не запрещают своим слугам улыбаться, дабы грех не сокрушил их души?

– Слуги?

– Ха-ха, сэр, вернитесь на землю, откуда у них могут быть слуги?

Маленький принц серьезно поразмышлял о судьбе маленького нищего, затем сказал:

– И как же они обходятся без слуг? Кто помогает им раздеться ночью? Кто одевает их, когда они встают?

– Никто, сэр! Сэр, вы думаете, было бы лучше, если бы они сняли с себя платье и спали бы, как звери?

– Платье? У них, что, оно только одно?

– А, и чего хорошего в том, что у тебя много нарядов? Торс-то всё равно у человека одно! Двух торсов ни у кого ведь нет!

– Какая изумительно причудливая мысль! Простите, сэр, я не собирался смеяться! Поверь мне, но твоя добрая Нэн и твоя добрая Бет скоро будут обладать и множеством нарядов, и лакеями, и я добавлю: мой кофейник скоро будет смотреть на них и обдувать их паром! Нет, спасибо не надо, потом! Ничего-ничего! Ты хорошо говоришь, в тебе есть какая-то легкая благодать. Ты учёный?

– Я не знаю, учёный ли я или нет, сэр! Добрый священник, которого называют отцом Эндрю, научил меня, по доброте душевной, кое-какой книжной премудрости! Вот и всё!

– Знаешь ли ты латынь?

– С горем пополам!

– Учись, малыш! Сначала всё тяжело! Греческий труднее! Но ни эти, ни другие языки, я думаю, не проблема для леди Элизабет и моей кузины. Тебе следовало бы послушать, как они говорят на иностранных языках! От них языки отскакивают, как горох от стенки! Ну да хватит об этом! Лучше расскажи мне о своем Мусорном Загоне! Хорошо тебе там живётся?

– По правде говоря, да, с вашего позволения, сэр, упаси бог, как хорошо, когда я не голоден. Там шоу «Панч и Джуди», и обезьянки – каждый день, о, они такие потешные зверушки! И так прикольно одеты! – и там никогда не прекращаются жуткие спектакли, те, в которых

играют, орут, визжат и сражаются, пока все не будут убиты, и это так прекрасно, что их можно увидеть, и стоит это – какой-то фартинг, но, чёрт возьми, ты сначала попробуй добыть этот фартинг, замучаешься до чёртиков, ваша милость!

– Расскажи мне ещё что-нибудь!

– Мы, рыцари Мусорного Загона, иной раз бьёмся друг с другом дубинками, как нас тому научили подмастерья!

Глаза принца вспыхнули. Он сказал:

– Ничего себе! И я бы не отказался! Рассказывай! Что молчишь? Давай рассказывай ещё!

– Мы устраиваем гонки, сэр, чтобы узнать, кто из нас будет первым!!

– Это мне тоже по нраву! Продолжай!

– Летом, сэр, мы бежим на реку или на канал, и целыми днями загораем и плаваем там, играем друг с другом в салочки и брызгаемся водой, мы ныряем, и кричим, и ныряем...

– Да я бы отдал отцовскую корону, если бы мог хоть раз так классно развлечься! Ещё что-нибудь расскажи!!

– Мы танцуем и поем возле Майпола в Чипсайде, мы играем на берегу, зарываем друг друга в горячий песок, делаем из глины пироги – что может быть прекрасней горячей глины! Она чудесней всего на свете! Мы всё время бегаем, вывалившись в грязи, позвольте вам доложить, сэр!

– О, ни слова больше! Это просто великолепно! Если бы я мог одеться в такую же клёвую одежду, как у тебя, бегать босиком, вываливаться в грязи, чтобы ни разу, никому не пришлось в голову не упрекать меня или запрещать мне это, я бы, видит бог, сразу отказался от короны!

– Ах, если бы я мог... хоть однажды... милый сэр, одеться... как вы... только один раз...

– Ого, оказывается тебе это по вкусу? Тогда так оно и будет! Меняемся! Давай свои тряпки, и надевай это нудное великолепие, парень! Счастье не может быть вечным но оно оттого не становится менее сладким! Мы будем счастливы, пока сможем, и снова станем сами собой, переодевайся скорее, пока тут никого нет!

Через несколько минут маленький принц Уэльский был украшен дырявыми обносками Тома, а маленький нищий принц оперился роскошными фижмами королевской власти. Они пошли и встали бок о бок перед большущим зеркалом, и вот, чудо: они оказались на одно лицо, похожи, да так, что казалось, будто от их переодеваний вообще ничего не изменилось! Близнецы не бывают так похожи! Оба малыша посмотрели друг на друга, потом в зеркало, потом друг на друга. Наконец, озадаченный принц сказал:

– И что ты по этому поводу думаешь?

– Ах, ваша милость, побойтесь бога, что я могу сказать! Мой статус не позволяет мне выносить зрелые суждения!

– Тогда скажу я! У нас одинаковые волосы, одни и те же глаза, один голос и манеры, та же форма и рост, одно и то же лицо и лицо у тебя и у меня. Выйди мы голяком, никто не сможет кто ты, и кто принц Уэльский. И теперь, когда я одет, как ты, одет в эти лохмотья, похоже, я уже могу почувствовать себя почти так же, как ты, когда грубый солдат... – слушай, а этот синяк на твоей руке, откуда?

– Да, не обращайтесь внимания, ваша светлость! Вы знаете, ваша светлость, что этот добрый часовой...

– Замолчи! Это был позорный и жестокий поступок! – воскликнул маленький принц, топнув ногой, – Если король... Стой здесь, пока я не вернусь! Это приказ!

В мгновение ока Принц схватил и спрятал какую-то важную государственную вещь, которая лежала на столе, и, выскочив в дверь, мигом пролетел через дворцовую площадку, полыхая своими великолепными лохмотьями, с пылающим лицом и горящими глазами. Подбежав к главным воротам, он схватился решетку и стал её трясти, что было сил.

– Открыть! Отпереть ворота! – закричал он солдату.

Солдат, который жестоко обращался с Томом, быстро подчинился, и когда принц про-
рвался через портал, пламенея от королевского гнева, солдат дал ему такую звонкую оплеуху,
что принц закружился на дороге. А солдат процедил сквозь зубы:

– А ну получи, мерзкий попрошайка! Мерзавец! Это тебе за то, что я благодаря тебе
получил от его величества!

Толпа взревела от хохота. Принц выбрался из грязи и в ярости устремился к часовому,
крича:

– Я принц Уэльский, моя личность священна! Я неприкосновенная личность! Как ты
осмелился поднять на меня руку? Я повешу тебя!

Солдат взял алебарду в руки и сказал насмешливо:

– Я приветствую вас, ваше всемилостивейшее величество! Спасибо вам за всё!

Затем зло добавил:

– Безумное отродье! А ну убирайся вон!

Здесь издевательская толпа сомкнулась вокруг бедного маленького принца и, толкая его
в шею, повлекла по дороге, сброд размахивал руками, пихаясь и вопя:

– Дорогу к его королевскому высочеству! Дорогу принцу Уэльскому!

Глава IV. Начало бед Принца

После долгой травли и преследований маленький принц был наконец брошен толпой и остался в крошечном одиночестве. Пока он был в состоянии гневаться против издевательской толпы, пока он был в состоянии топтать ногами и угрожать ей королевскими карами, подавать грозные королевские команды, заводившие толпу так, что она от смеха валилась на землю, он был ей любопытен, но как только усталость окончательно заставила его замолчать, мучители потеряли к нему всякий интерес, и пошли искать других развлечений в иных местах.

Здесь он первые огляделся, и не понял, где находится. Он был в Лондоне – это все, что ему было понятно. Он двинулся дальше, бесцельно, куда придётся, и скоро дома поредели, стали беднее и меньше, а прохожие попадались теперь так редко, что казалось, тут никто не живёт. Он вымыл свои кровоточащие ноги в ручье, который тёк на том месте, где теперь находится Фаррингтон-Стрит, и ему даже удалось отдохнуть несколько мгновений, затем он пошел ещё дальше и вдруг вышел на большой выгон, на котором стояло несколько хаотически разбросанных домов, и потрясающая по красоте и размеру церковь. Он сразу узнал эту церковь. Она была вся в строительных лесах, везде сновали рои рабочих, уже оканчивавших большой ремонт. Принц сразу почувствовал, что теперь его так неожиданно начавшиеся проблемы должны благополучно закончиться. Он сказал себе:

«Это древняя церковь Седых Монахов, которую царь мой отец изъял у них и отдал для бедных и брошенных детей, а её новое имя – это Церковь Христа. С радостью они будут служить сыну того, кто так великодушно оделил их, – и тем более, что этот сын сам теперь беден и страждет, как любой, кто был спасён здесь когда-либо».

Он сам не понял, как очутился посреди толпы мальчиков, которые бегали, прыгали, играли в мяч и салочки, все они были сами по себе, и страшно шумели и кричали. Все они были одеты одинаково, по моде, которая царил в то время в среде слуг и подмастерьев. У каждого на макушке была плоская черная кепка размером с блюдце, крайне неудобная из-за её очень мизерного размера, из-под неё волосы падали до середины лба, канцелярского вида воротник на шее, хорошо подогнанное синее платье до колен или ниже с широкими и длинными рукавами, широкий красный пояс, яркие желтые чулки с подвязками выше колен, и чёрные туфли с большими металлическими пряжками. Надо сказать, что костюм этот был довольно уродлив.

Мальчики остановили игру и стеклись к принцу, который сказал с природным достоинством:

– Добродетельные отроки, скажите своему господину, что Эдвард Принц Уэльский желает с ним поговорить!

Мгновенно поднялся громкий гвалт, и один грубого вида парень сказал:

– Лопни мои глаза, так ты посланник королевской милости, подонок?

Лицо принца вспыхнуло от гнева, и его рука потянулась к бедру, но там ничего не было. Послышался бурный смех, и один подросток сказал:

– Смотрите-ка! Ему показалось, что у него клинок, а он сам – принц!

Эта шутка вызвала ещё больше смеха. Бедный Эдуард гордо встал и сказал:

– Да! Я принц! И тебе будет плохо, если ты, питающийся щедротами моего отца, будешь вести себя со мной столь надменно и дерзко!

Это было так прикольно, так смешно, что заржали все. Молодой человек, который первым заговорил, кричал с хохотом своим товарищам:

– Эй вы, грязные свиньи, мутные рабы, нахлебники его высокородия папаши, нижайшие приживалы его монаршей низости, и куда подевались ваши благомордые бараньи манеры? На колени, мерзкие подонки его величества, вы, знатные королевские отребья, клонитесь скорее перед его всемилостивейшей тушей и грязными монаршьими лохмотьями!

В неистовом веселье они рухнули на колени и принялись ползать, лобызать ноги и биться головами о землю, всячески издеваясь над своей беззащитной добычей. Принц повернулся к самому большому наглецу, изо всей силы пнул его ногой и закричал злобно:

– Получай, негодяй, это мой задаток на сегодня, а завтра я вздёрну тебя на рее!

Ах, ну так это была уже не шутка! Так бедняки не шутят! Смех улетучился в одно мгновение, и его сменила дикая ярость. Десяток голосов звучал одновременно:

– Хай! Тащи его! В конский пруд! Туда его! Скорее! В конский пруд! Где псы? Лев, пошёл! Рви его! Вот он! Возьми его, Клык! Держите крепко, а не то уйдёт! Вот гнида! Фас!

Затем последовала такая сцена, которой раньше никогда не привелось видеть святой Англии – священная персона юного престолонаследника была грубо попрана плебейскими кулаками и башмаками, и едва не разорвана на куски огромными злыми псами. Только быстрые ноги помогли ему спастись. В ту же ночь, когда утро уже начинало озарять город, принц оказался далеко внизу, в тесно застроенном хибарами логоу. Его тело было всё в ушибах, его руки болели и кровоточили, а изорванные тряпки были сплошь покрыты пылью и грязью. Он бродил по улицам бесцельно, едва волоча ноги, всё больше теряя самообладание и мужество, и в конце концов упал в обморок от усталости. Он уже отчаялся спрашивать кого-либо, это они приводило только к оскорблениям и брани, а узнать что-либо от них было просто невозможно. Он продолжал бормотать про себя:

– Как он говорил? Придворная... Горная... Сорная... Мусорная... Мусорная Куча, кажется, так это у них называется! Если я смогу найти Мусорную Кучу прежде, чем у меня исчезнут силы, и я не упаду, то я спасён, я знаю, что благородные джентльмены из Мусорной Кучи отвезут меня в королевский дворец и я докажу, кто я такой, докажу там, что я принц крови, и снова стану тем, кем был раньше!

И время от времени, когда его разум возвращался к его разборкам с грубиянами из больницы Христа, он твердил:

– Когда я стану королем, у них будет не только хлеб и крыша над головой, но ещё и учителя, и книги, ведь набитый живот немногого стоит там, где голодают ум и сердце! Я должен старательно запомнить это тяжёлое воспоминание, дабы жестокие уроки этого дня вовеки не были забыты мной! Что делать, мои поданные страдают от этого, живя в довольстве и неге, они рано или поздно напрочь забывают о тех, кто живёт в нищете и лишён всего! Правильное воспитание смягчает сердце и порождает в поданных честность и милосердие!

Откуда он набрался такой ереси?

В окнах стали теплиться огни, на землю упали первые капли дождя, поднялся ветер, и на город пала сырая и бурная ночь. Бездомный принц, несчастный потерянный наследник трона Англии, всё шёл и шёл, углубляясь всё глубже и глубже в лабиринт убогих переулков, где кучковались грязные улы нищеты и отчаянья.

Внезапно здоровенный пьянчуга ужасно больно ухватил принца за плечо и заорал:

– Ха! Вот ты где! Шлялся где-то целый день, и клянусь богом, не принёс домой и ломаного гроша! Если это так, и я не выблюю из тебя гнилой дух и не поломаю все твои кости, тогда считай меня не Джоном Кенти, а чёрт знает кем!

Принц скривился от отвращения, вырвался из цепких рук, почесал ушибленное плечо и нетерпеливо воскликнул:

– А, ты, верно, его отец? Всеблагие небеса! Слушай! Забери меня отсюда и отведи меня домой!

– Его отец? Знать бы, что ты имел в виду? Я знаю, кто твой отец – это я, и скоро твоя шкура..

– О, не шути со мной, не празднословь, милый человек, и не трать моего времени! Я устал, я ранен, я у меня нет сил терпеть! Отведи меня к королю, моему отцу, и он сделает тебя столь богатым, как ты не можешь даже мечтать! Что ты делаешь? Поверь мне, мужлан, поверь

мне! Я не лгу, я говорю чистую правду! Дай мне твою честную, верную длань и спаси меня! Я действительно принц Уэльский!

Мужчина, совершенно ошеломлённый, посмотрел вниз, на малыша, потом покачал головой и пробормотал:

– Сынок, ты совсем рехнулся, и теперь беснуешься, как последний Том из Бедлама!

Затем он снова заржал, и перемежая слова с гнусной бранью, схватил бедного принца и прорычал:

– Псих ты или чёртов умник, да только я твой папаша – Джон Кенти, слушай, дубина, я освежу тебе память, все кости переломаю, ты у меня почуешь, кто есть кто, или я – не Джон Кенти, чёрт бы тебя побрал!

С этим он схватил безумного, бьющегося в его лапах принца и скрылся в тёмном дворе, преследуемый шумной сворой ржущих человеческих отребий.

Глава V. Том – Патриций

Том Кенти, оставшись один в комнате принца, хорошо воспользовался своими новыми возможностями. Он принялся разгуливать по комнате, так и сяк красуясь перед огромным зеркалом, любуясь своим отражением в этом новом костюмчике, а потом стал важно прохаживаться, подражая великосветским манерам принца, издали наблюдая за отражением в зеркале, и чинно целовал сверкающий драгоценными камнями клинок, потом поклонился, возложив его на грудь, как это делал один известный ему по книгам благородный рыцарь из Тауэра, в знак приветствия коменданту в момент передачи в его руки арестованных за государственную измену великих лордов Норфолка и Сурре. Том видел это пять или шесть недель назад, когда гулял среди дня возле крепости. Том играл с драгоценным кинжалом, который висел на его бедре, он придирчиво осматривал дорогие и изысканные украшения залы, он опробовал сиденья всех роскошных стульев, какие были вокруг и даже представлял, сколь восхитительно было бы, если бы стадо малышни из Мусорного Загона могло заглянуть сюда и увидеть его на вершине величия. Он задавался вопросом, поверят ли они в эту изумительную сказку, когда он вернется домой и расскажет им всё, что с ним приключилось, не покачают ли они недоверчиво головами, не покрутят ли пальцем у виска и не скажут ли, что это только плод его больного воображения, болезни, вконец расстроившей его разум?

Через полчаса ему в голову внезапно пришла мысль, что принц почему-то долго не возвращается, и сначала лёгкое беспокойство, а потом растущая тревога, чувство одиночества и тоски овладели им, скоро превратившись в животный ледяной ужас. Он прекратил игры с красивыми вещицами, перестал смотреться в зеркало, но всё было напрасно – беспокойство только росло, пока не превратилось в настоящую панику. Предположим, что кто-то придёт сюда, и поймает его в одежде принца, а принц не сможет помочь ему и объяснить, что случилось... А вдруг они повесят его сразу, не разбираясь в мелочах, а только потом выяснят обстоятельства? Он слышал, что великие люди по большей части быстры и не особенно разборчивы при принятии мелких решений. Его страх рос и становился всё сильнее и сильнее, и уже дрожа мелкой дрожью, он мягко открыл дверь в прихожую, и выглянул наружу – надо было срочно лететь и где угодно искать принца, а через него – защиту и свободу. Шестёрка великолепно одетых господ – личных слуг принца и два юных пажа, яркие как бабочки, вскочили на ноги и низко поклонились ему. Он быстро отошёл от двери и закрыл её. Он шептал про себя:

«О, они просто издеваются надо мной! Они пойдут и всё расскажут! Ой! Зачем я здесь очутился? Как я мог попасть сюда на свою гибель?»

Он бегал по комнате из угла в угол, полный несусветными страхами, прислушиваясь в ужасе к каждому шороху за спиной. Тут дверь широко распахнулась, и шелковый паж, раскрыв крылья, ласково произнёс:

– Ваше высочество! Леди Джейн Грей!

Дверь закрылась, и миловидная юная девушка, богато одетая, впорхнула в комнату и со всех ног бросилась к Тому. Но, увидев его, она внезапно остановилась и сказала с лёгкой тревогой:

– О, что с вами, милорд?

Душа на секунду покинула тело Тома, дыхание его прервалось, но отдышавшись, он слотнул слюни и жалобно пропищал:

– О, будьте милосердны ко мне! Вы знаете, я не принц, я всего лишь бедный Том Кенти! Я из Лондона, что близ Мусорного Загона! Помилуйте меня! Позвольте мне увидеть принца, и пусть он по своей милости отдаст мне мои жалкие лохмотья и отпустит меня отсюда под добрым поздравом! Я хочу домой, к маме! О, будьте милосердны, пожалейте меня!

Через мгновение мальчик бросился на колени и застыл в молитвенной позе, сложив руки, неведь что бормоча и устремив на девушку жалкий умоляющий взор. Юная леди отшатнулась от него в ужасе. И громко закричала:

– О, мой господин! Вы на коленях? Предо мной?

Затем она испуганно убежала, и Том, пораженный своим отчаянием, опустился на пол, тихо бормоча:

– Нет никакой помощи! Нет надежды! Ничего нет! Теперь они придут и возьмут меня!

Пока он лежал там, ужасаясь своей участи, страшная весть пронеслась по дворцу. Шепоток, – здесь все говорят только шепотком, – полетел от слуги до трубочиста, от лорда до светской дамы, по всем бесконечным коридорам, от уха до уха, от салона к салону:

«Принц сошел с ума! Принц сошел с ума!»

Вскоре в каждой закутке дворца, в каждом мраморном зале, шушукались группки сверкающих лордов и дам, компании людишек поменьше рангом, и все они разговаривали друг с другом так искренне, такими тихими голосами, и любое лицо, участвовавшее в разговоре, становилось ужасным. А потом великолепные глашатаи двинулись по коридорам дворца, громкогласно возглашая:

«Именем Его Величества Короля!

Под страхом смерти запрещено распространять эту лживую и глупую сплетню о Принце, запрещено обсуждать её и выносить за пределы дворца! Именем Его Королевского Величества!»

Шепот прекратился так же внезапно, как начался, и все присутствующие на мгновение онемели.

Вскоре в коридорах раздался общий шум:

– Принц! Смотрите! Принц идёт!

Бедный Том медленно заковылял мимо низко склонившихся вельмож, пытаясь поклониться в ответ и смиренно глядя на свое странное окружение изумлёнными и жалкими глазами. Два джентльмена шли с каждой стороны от него, поддерживая его под руки и направляя его неумелые движения. Позади него следовали придворные медики и несколько верных слуг.

Вскоре Том оказался в роскошно убранных покоях и услышал, как за ним закрылась дверь. Вокруг него стояли те, кто шел с ним. Перед ним, на небольшом расстоянии, сидел, откинувшись в кресле очень большой и очень толстый человек с суровой гримасой на широком, мясистом лице. Его большая голова поражала сединой, и его усы, обрамлявшие его тяжёлое лицо, как рама, тоже были седыми. Его одежда была очень богатой, но при этом довольно старой и слегка поношенной. Под одной из его невероятно опухших ног была лежала твёрдая подушка, а сама нога оказалась забинтованной сверху донизу. В комнате царил абсолютная тишина, и не было головы, не склонённой в искреннем почтении, ну, кроме головы этого человека. Этот суровый недовольный инвалид и был страшным королём Англии Генрихом VIII. Он заговорил – и его лицо при первых словах сразу прояснело и стало нежным:

– Как теперь самочувствие у милого моему сердцу лорда Эдуарда? Вам лучше, мой принц? Милый принц, вы что, хотите убить меня своими шутками, убить короля, вашего отца, который любит вас и хотел бы знать, кто вас мог к этому надоумить?

Как только Бедный Том, пытавшийся уразуметь первые слова королевской речи, и слова «убить короля, вашего отца» достигли его ушей, его лицо побледнело, и он мгновенно упал на пол, как подкошенный выстрелом из пушки. Следом за этим Том воздел руки и воскликнул:

– Ты король? Тогда я действительно пропал!

Эта фраза, казалось, ошеломила короля. Его глаза бесцельно блуждали по лицам, а затем, сбившись с толку, остановились на мальчишке, стоявшем перед ним. Затем он сказал с глубоким разочарованием и печалью:

– Увы, до сего часа я считал, что слух не соответствует действительности, но я боюсь, что это не так!

Он тяжело вздохнул и сказал нежным голосом:

– Иди к отцу, дитя моё! Ты плохой мальчик!

Тому помогли подняться, и он, весь трясясь от страха, приблизился к его величеству, и смиренно склонился перед ним. Король взял его испуганное лицо в свои руки и пристально посмотрел в глаза, любовно вглядываясь в него, словно искал в них какой-то благодатный знак исцеления, затем прижал кудрявую голову к своей груди и нежно погладил ее. А потом он сказал:

– Разве ты не узнаешь своего отца, дитя моё? Не разбивай мне сердце, не убивай меня так, лучше скажи, что ты узнал меня! Сынок! Ведь ты узнаешь меня, правда?

– Да, ты мой грозный повелитель, король, которого Бог хранит! Помазанник божий!

– Верно, это суцая правда – ну успокойся, не дрожи так, тебя никто здесь не тронет, здесь нет никого, кроме тебя и меня! Теперь тебе лучше, я вижу, твоя больная фантазия улетучивается, не так ли? Ты не будешь снова забывать, кто ты, ведь не будешь? Не надо, сынок, называть себя другими именами!

– Я молю тебя, будь милосерден, поверь мне, о мой повелитель, я говорю правду, я самый подлый среди ваших подданных, и, будучи бедняком, рожденным моей бедной матерью, только болезнью и несчастным случаем был занесён сюда, на беду оказался здесь, но я ни в чем не виноват! Я не хочу умирать! Я ещё молод, чтобы умереть, и ты можешь спасти меня одним словом, одним своим словом! Скажи его, сэр! Умоляю тебя! Пожалуйста!

– Умрёшь? Зачем ты хочешь убить короля, твоего отца? Не говори так, милый принц! Что с тобой случилось? Спокойствие! Только спокойствие! Мир твоему смятённому сердцу – ты никогда не умрешь!

Том с радостным воплем упал на колени перед абсолютно расстроенным монархом.

– Боже, обрати милость твою на нашего короля, и продли его годы на благо нашей земли!

Затем, поднявшись, Том обратил радостное лицо к двум лордам, замершим в ожидании и воскликнул:

– Вы слышали! Я не умру! Так сказал король!

Все замерли в абсолютном молчании, склонив головы в глубоком поклоне. Том поколебался, немного смутившись, затем робко повернулся к королю и спросил:

– Я могу уйти сейчас?

– Уйти? Конечно, если ты хочешь. Но почему бы не задержаться еще немного? Куда ты хочешь уйти?

Том опустил глаза и смиренно ответил:

– Я надеюсь, что не ошибся, но я действительно думал, что свободен, и могу отправиться в лачугу, где я родился и вырос в нищете, где сейчас моя мать и мои сестры, потому что это мой родной дом; тогда как эти помпезные палаты, к которым я не привык, о, прошу вас, сэр, отпусти меня! Король молчал и долго размышлял, и его лицо выдавало растущее беспокойство и тоску. Вскоре он сказал, с надеждой в голосе:

– Возможно, он просто безумен в чём-то одном, но в других вещах ум его поразительно ясен. Богу угодно, чтобы это было так! Но мы проверим его!

Затем он задал Тому вопрос по-латыни, и Том ответил ему ласково на том же языке. Лорды и врачи также показали своё полное удовлетворение. Король сказал:

– Нет, ответ, разумеется, не соответствует его учёным дарованиям, знаниям и талантам, но это доказывает, что хотя его ум помутнён, но это не смертельно! Это так? Как вы полагаете, сэр?

Врач обратился к королю с поклоном и ответил:

– Ваше мнение полностью совпадает с моим собственным, сэр, так как вы поставили диагноз совершенно правильно!

Король остался доволен одобрением, исходившим от такого превосходного авторитета, и продолжил добродушно:

– Ладно! Смотрите все – мы проинспектируем его ещё!

Теперь он задал вопрос Тому по-французски. Том на мгновение замолчал, смутившись оттого, что все стали сверлить его глазами, и сказал неуверенно:

– Извините, ваше величество, но я не знаком с таким языком!

Король рухнул на кушетку. Слуги слетелись к нему на помощь, но он отогнал их, как мух, и сказал:

– Не трогайте меня, это не что иное, как мнительность! Подымите меня! Вот так! Так, довольно! Хорошо! Подойди сюда, дитя моё, положи свою бедную горячечную голову на грудь твоего отца и успокойся! Скоро все будет хорошо, это только мимолетная фантазия! Не бойся, скоро ты вылечишься!

Затем он повернулся к компании, его мягкие манеры испарились, и из его глаз стали лететь белые молнии. Он почти рычал:

– Всем присутствующим! Слушайте меня! Это мой сын, он безумен, но это временное явление! Причиной тому служат чрезмерные занятия в школе и ограниченное общение! Вы! Прочь от принца со своими книгами и учителями! Посмотри на него! Займите его спортом, увлеките его живыми играми, организуйте его досуг, чтобы его здоровье восстановилось!

Король привстал еще выше, и продолжил речь с невиданной силой:

– Он сумасшедший, но он мой сын и наследник английского престола, и, сумасшедший он или здоровый, он все равно будет царствовать! Вы все! Слушайте здесь и возгласите везде: кто осмелится заговорить об этом несчастье, тот – смутьян, и его смута направлена против мира и порядка в нашем королевстве! Его место на виселице! Подайте мне воды – я весь горю, печаль точит мои силы! Так, заберите чашу! Поддержите меня! Так, так, хорошо! Безумный, не так ли? Будь он в тысячу раз более безумен, чем сейчас, он не перестанет быть принцем Уэльским, я подтверждаю это. Сегодня я утверждаю его в официальном статусе наследника трона с соблюдением всех древних обрядов и форм. Немедленно исполните приказ, милорд Хертфорд!

Один из знатных вельмож опустился на колени перед королевским ложем и сказал:

– Ваше королевское величество знает, что потомственный Великий Маршал Англии гостит в Тауэре. Не подобает тому, кто заключён...

– Молчи! Вы оскорбляете, вы мараете мои уши этим ненавистным именем! Что? Этот человек будет жить вечно? Неужели он вечно будет стоять у меня на пути? Неужели мой сын не будет утверждён в своих законных правах на трон лишь потому, что гофмаршал Англии – государственный изменник и не достоин короновать моего сына? Нет, клянусь богом! Предупредите мой парламент, чтобы Норфолк был приговорён к смерти ещё до рассвета, иначе вы у меня все попляшете!

Лорд Хертфорд встал и изрёк:

– Воля короля – закон! – и, сказав, чинно вернулся на своё место.

Постепенно гнев на лица старого властителя погас, и он обратился к Тому:

– Поцелуй меня, мой милый принц! Так! Ты чего-то боишься? Разве не я твой любящий отец?

– Ты милостив ко мне, недостойному, о, могущественный и милостивый господин, никто не опровергнет этого. Но... но... это мешает мне думать о том, кто должен умереть, и...

– Ах, как это похоже на тебя! Я знаю, что твое сердце осталось прежним, хотя твой ум и пострадал, потому что ты был нежным цветком! Но этот проклятый герцог стоит между тобою и твоим наследством! У меня скоро будет другой гофмаршал, и он не осквернит изменой

величия своей должности! Успокойся, мой принц! Не терзай свою бедную голову пустыми сомнениями!

– Но разве не я ускоряю его гибель, мой сеньор? Как долго он мог бы жить, не будь меня?

– Забудь о нем, мой принц, он не достоин этого! Поцелуй меня еще раз, идите к своим играм и развлечениям, я обессилен моей болезнью! Я пойду! Покой исцелит меня! Ступай вместе с дядей Хертфордом и слугами, и приходи, когда я, как следует, отдохну и встану на ноги!

Том вышел из присутствия, отягощённый тяжкими размышлениями. Последняя фраза короля была смертельным ударом по его надеждам, она поставила жирный крест на скором освобождении лже-принца. Он слышал тихий шёпот вокруг. Голоса множились, люди восклицали:

– Принц! Принц!

Он двигался между сверкающими рядами аристократов и их лакеев, и его дух опускался все ниже и ниже, потому что он понимал, что теперь окончательно стал пленником и теперь, возможно, навсегда останется запертым в этой роскошной золотой клетке, без воздуха и друзей, если, конечно, Богу не будет угодно смиловаться над ним и он дарует ему свободу.

И куда бы он ни шёл, куда бы ни сворачивал, перед ним в воздухе везде висела отрубленная, окровавленная голова с белом лицом, лицом, в котором не было ни кровинки – лицом великого герцога Норфолка, голова, укоризненно взиравшая на удручённого принца.

Как волшебны были его вчерашние мечты, и какой омерзительной оказалась реальная жизнь!

Глава VI. Наставления Тома

Тома отвели в приёмный зал дворца и заставили сесть, что ему совершенно не понравилось, так как рядом с ним были сплошь какие-то иссохшие, как мумии, стариканы – люди высшего ранга, скучные как смерть. Они стояли передним и не двигались, совсем, как манекены. Он стал умолять их, чтобы они присаживались, но они только поклонились ему, пробормотав благодарность, и остались стоять. Разумеется, он в конце концов настоял бы на своём, и усадил бы их в инвалидные коляски, но его «дядя» граф Гертфорд решительно прошептал ему на ухо:

– Ваша честь, милорд, прошу вас, не настаивайте, это не соответствует их статусу – они не имеют права сидеть в вашем присутствии!

Тут объявили явление лорда Сент-Джона, он вошёл бодрой походкой и, поклонившись Тому, сказал:

– Король поручил мне решить один конфиденциальный вопрос! Не угодно ли вам будет, ваше королевское высочество, попросить всех присутствующих покинуть нас, за исключением моего друга лорда графа Хертфорда?

Видя, что Том, похоже, не знает, что делать дальше, Хертфорд прошептал, чтобы Том подал ему знак рукой, и не заставлял себя говорить, если не желает того. Когда лорды ушли, лорд Сент-Джон сказал:

– Его величество приказывает, чтобы по уважительным и веским причинам государственной безопасности благородный принц скрывал свою немощь всеми имеющимися силами и способами, какие остались в его власти, до тех пор, пока болезнь не покинет его, и он не станет таким, каким был прежде. Для этого он никогда и ни при каких обстоятельствах не должен отрицать, что он – истинный принц и наследник престола Англии, он должен везде блюсти свое королевское достоинство и беспрекословно принимать все слова, подарки, знаки повиновения и почтения, подобающие ему в соответствии с его статусом и древними обычаями, он должен перестать твердить перед кем-либо о своём якобы низком, плебейском происхождении и нищенской жизни в прошлом, ибо это плоды его нездоровой фантазии, вызванные болезнью, и всё это делается для того, дабы он всячески старался восстановить в памяти знакомые ему лица и людей, которых он давно знает, а там, где его память угаснет и будет иметь прискорбные провалы, он должен сохранять абсолютное спокойствие, не показывая даже подобия удивления или другого признака сомнения или неуверенности, показывая этим свою забывчивость, если же во время приёмов он будет испытывать затруднение относительно своих дальнейших действий, пусть также сохраняет спокойствие и не показывает своего замешательства, имея возможность незаметно обратиться за разъяснениями к лорду Хертфорду, полномочному представителю короля во всех этих вопросах, его второму «я», находящемуся на королевской службе, или ко мне, специально приставленному к принцу для таких случаев, и так до тех пор, пока этот королевский указ не будет отменён. Таково повеление его королевского величества, которое он предписывает вашему королевскому высочеству с молитвой о том, чтобы Бог по Своей милости как можно быстрее исцелил вас, хранил вас, и никогда потом не обделял своей несравненной благодатью и покровительством.

Сказав это, Сент-Джон отвесил низкий поклон и отступил назад. Том ответил покорно:

– Таково повеление короля! Я вижу! Никто не может пренебречь повелениями короля или с произвольной лёгкостью ловко исказить их, если они противоречат его собственным желаниям! Принц должен повиноваться им!

Лорд Хертфорд сказал:

– Обращаясь к распоряжению его величества короля в отношении книг и подобных серьезных вопросов, не угодно ли будет вашему высочеству прекратить бесплодные и пустые

занятия в школе, свернуть на время чтение вредных книг и посвятить своё драгоценное время ярким и лёгким спортивным развлечениям, чтобы вы раньше времени не устали на предстоящем банкете и не навредили своему здоровью ещё больше?

Лицо Тома выразило величайшее удивление, и когда он, взглянув на Сент-Джона, увидел, что глаза того полны скорби и слёз, он покраснел и потупился.

Его светлость меж тем сказал:

– Ваша память по-прежнему обманывает вас; и вас, принц, я вижу, удивляют мои слова... Но отбросьте беспокойство – всё придёт в норму, как только ваша болезнь пройдёт! Милорд Хертфорд уже говорит о городском банкете, который устраивается королём, я хочу напомнить, что несколько месяцев назад король заявил, что вы будете присутствовать на нём. Вы помните об этом?

– К сожалению, я ничего не могу сказать, помню ли я что-то об этом! Видимо, я что-то упустил! – сказал Том слабым, дрожащим голосом, и снова залился краской.

В этот момент было объявлен визит Леди Элизабет и Леди Джейн Грей. Оба лорда обменялись многозначительными взглядами, и Хертфорд быстро шагнул к двери. Когда молодые девушки проходили мимо, он сказал им вслед:

– Я умоляю вас, миледи, что бы вам ни показалось, не обращайтесь внимания на его юмористические эскапады и не удивляйтесь, когда его память напрочь изменит ему, – вам будет легко заметить, как часто память не дружит с его разумом!

Тем временем лорд Сент-Джон с другой стороны нашёптывал в ухо Тома:

– Пожалуйста, сэръ, продолжайте неукоснительно соблюдать рекомендации его величества. Вспоминайте все, что можете, и если забыли что-то, делайте вид, что помните всё остальное! Пусть они останутся в неведении, сколь сильно вы трансформировались за последнее время, потому что вы, принц, прекрасно знаете, как любят вас принцессы, всё детство которых прошло в играх с вами, сколь нежны и привязаны они к вам, они ведь знают вас настолько близко, что такие ужасные метаморфозы в вас могут просто разбить их нежные сердца! Вы хотите, чтобы я остался здесь? Вашему дяде остаться?

Том жестом согласился с Сент-Джоном и промычал что-то нечленораздельное. Он быстро учился прислушиваться к чужим советам, и в его простом, честном сердце впервые зародилась мысль, что лучше всего в сложившихся условиях поступать так – как можно точнее следовать приказам короля и как можно больше помалкивать.

Несмотря на все предосторожности, разговор между молодыми людьми иной раз буксовал. Несколько раз Том тушевался и смолкал. Не раз и не два, по правде говоря, множество раз Том был близок к краху своего плана, и уже готовился признать полное поражение, и опять броситься на колени, но его спасал как такт принцессы Елизаветы, так и наставительные слова бдительных лордов, как бы невзначай подбрасываемые в разговор, что, по-видимому, случайно, имело счастливый эффект для его исхода. Однажды маленькая леди Джейн повернулась к Тому и потревожила его вопросом:

– Милорд! Вы сегодня отдали сыновний долг её величеству матери-королеве?

Услышав такое, Том окончательно впал в ступор и понял, что скоро свихнётся на самом деле. Однако изрядно протянув время, он уже был готов брякнуть что-нибудь взятое с потолка, как ему на помощь пришёл находчивый Сент-Джон, ловко встрявший в разговор с непринуждённостью прирождённого словоблуда-царедворца, привыкшего с честью выходить из любого дипломатического тупика:

– Несомненно, миледи! Королева вполне ублажила его сердце, сообщив, что его величеству теперь много лучше! Не так ли, ваше высочество?

Пытаясь выразить подтверждение сказанному, Том заблудился в словах и стал бормотать что-то невнятное, однако вовремя остановился, поняв, что скользит по предательски тонкому

льду. Он притормозил дальнейшие рассуждения. Спустя какое-то время разговор зашёл о том, что Тому предписано прекратить вредоносные занятия в школе.

– О, какая жалость! – заверещали принцессы, – Какая жалость! Принц! Вы делали такие грандиозные успехи! Но ничего, всё наладится, перерыв будет недолгим, и вам, принц, ещё придётся блистать, показывая королю и Англии вершины вашего знания, и вы будете столь же образованны, сколь ваш отец и вы потрясёте мир тем, что будете понимать столько же языков, сколько способно понять его королевское величество!

– Мой папаша? – подняв брови, ответил Том, – Да он на своём-то буробит так, что его могут понять только свиньи в хлеву! А что касается так называемой учёности, про которую вы тут нагородили с три короба...

Тут он повернулся к Сент-Джону и, встретив его злобный взгляд, поперхнулся, покраснел и тихим голосом залепетал:

– О, вы не представляете, сколь сильно коварный недуг сразил меня и как далеко уклоняется мой разум с верного пути, когда болезнь начинает им рулить! В общем, я ничего не хотел сказать плохого против его королевского величества!

– Конечно! Конечно, сударь! Мы понимаем ваше состояние! – нежно пропела принцесса Елизавета, беря чуткой рукой руку «братца» и как бы пытаясь её согреть меж ладонями, – Только не волнуйтесь напрасно! Виноваты не вы, а ваш коварный недуг!

– О, моя чудесная утешительница! – вспыхнул Том, видя, как она довольна своим диагнозом, – Позволь поблагодарить вас от всей моей души!

Как-то раз во время беседы хохотушка леди Джейн пульнула в Тома какой-то нехитрой греческой фразой, которую она выудила из какого-то требника, и от пытливой принцессы Елизавета не укрылась трогательная озадаченность Тома, по чему она поняла, что пуля угодила не туда, куда нужно, и сама стала отважно отвечать за него, выдав на гора целую уйму древнегреческих поговорок, а затем резко увела разговор вообще в сторону.

Таким образом, в целом время Тома протекало в очень приятном общении. Подковёрные каверзы и подставленные любящими руками грабли встречались на его пути все реже и реже, и Том все больше и больше приводил свой разум в порядок, видя, как все они пригибаются пред ним, истошно помогая ему и игнорируя все его ляпы. Когда выяснилось, что юные принцессы будут сопровождать его на банкет лорда-мэра, сердце Тома наполнилось радостью и восторгом. Он чувствовал, что там, среди толпы чужаков, он не будет таким одиноким, тогда как часом ранее даже мысль о том, что принцессы пойдут вместе с ним, наполняла его душу тихим ужасом.

Ангелы-хранители Тома, оба лорда, испытали от этой беседы гораздо меньше радости, чем все остальные участники. Они чувствовали себя так, как будто, не зная правил локации, вели большой до краёв нагруженный корабль через опасный, извилистый канал, постоянно рискуя нарваться на скалы, они постоянно были настороже, и порученное им дело отнюдь не казалось им детской забавой. Поэтому, когда наконец было объявлено завершение дамского визита, и одновременно – появление лорда Гилфорда Дадли, они почувствовали, что не следует так перегружать общением совершенно невменяемого питомца, а учитывая, что сейчас лучше не рисковать и не вести корабль назад через столь опасные фьорды, а оставить его на время в гавани, они крайне уважительно предложили Тому отменить приём. Тому это было, честно говоря, на руку, и он сразу согласился, хотя, когда леди Джейн услышала об отмене визита блестящего молодого человека, её знакомого, все заметили на её лице оттенок лёгкого разочарования. Минуту длилось тягостное молчание, и Том никак не мог уразуметь, что она означает, и что в таком случае надлежит делать ему. Он умоляюще взглянул на лорда Хертфорда, который тут же дал ему какой-то знак, но Том так и не понял, какой. Всегда готовая помочь, леди Элизабет пришла ему на помощь со своей обычной легкой грацией. Она поклонилась и сказала:

– Не соблаговолит ли наш милый брат позволить нам покинуть его?

Том сказал:

– В самом деле, мои возлюбленные сёстры могут просить у меня что угодно, чего им только заблагорассудится, но я бы скорее дал бы им всё, что угодно за возможность проводить с ними бесценный досуг, однако не могу лишать их права покинуть меня! Да благословят вас святые угодники!

О, как Том смеялся своим потайным мыслям!

«Ха! Не оттого ли, что в своих книгах я всё время жил среди всяких коронованных шишек и принцев, я подучился этой цветистой тарабарщине лучше, чем они сами!» Когда великосветские львицы испарились, Том устало уставился на своих телохранителей и сказал: – Не будет ли угодно вашим светлостям, чтобы я позволил себе отыскать тут удобный уголок и отдохнул?

Лорд Хертфорд сказал:

– Разумеется, и мы, ваше высочество – к вашим услугам! Только прикажите нам, и всё будет исполнено! Вам очень необходим отдых, ибо скоро вам предстоит отправиться в Лондон! Не успел он коснуться звонка, как появился паж, которому было приказано пригласить в присутствие сэра Вильяма Герберта. Джентльмен вошёл и быстро провел Тома во внутренние покои дворца. Первым побуждением Тома было дотянуться до стакана с водой, но шелково-бархатный слуга остановил его, опустился на колени и витиевато предложил ему золотой поднос с чашей. Затем усталый узник сел и собирался было снять с себя башмаки, умоляя взглядом позволить ему это, но еще один облаченный в шелка паж опустился на колени, дабы обслужить его. Том сделал еще два или три попытки избавиться от чужой опеки, но, так как ни одна из них не увенчалась успехом, он, наконец, сдался со вздохом покорности и пробормотал:

– Чур, меня! Чур! Удивительно, что они ещё не дышат за меня! Наконец завернувшись в роскошный халат, он успокоился, прикорнул на диване, но не спал, потому что его голова была слишком забита всякими мыслями, да к тому же в комнату набилось слишком много людей. Он не знал, как отослать слуг, и они остались слоняться вокруг, к величайшему огорчению, как Тома, так и самих слуг. Выход Тома оставил его благородных опекунов в полном одиночестве. Некоторое время они размышляли, в молчании, расхаживая из угла в угол по ковру, затем лорд Сент-Джон прервал молчание:

– Говоря по чести, что ты об этом думаешь? Честно говоря, всё есть, как есть! Король близок к кончине, мой племянник безумен, безумец взойдёт на трон, и безумцем останется! Господи, защити Англию! Ей не обойтись без твоей защиты, боже всемилостивый! – Поистине так оно и есть. Но... у вас нет никаких подозрений... относительно...

Оратор поколебался, сказать ли ему остальную часть фразы, и, подумав, промолчал. Возможно, он почувствовал, что вступил на очень зыбкую почву. Лорд Хертфорд остановился перед ним, посмотрел ему в глаза ясным, живым взглядом и сказал:

– Говори, что не так, здесь нет чужих ушей! Подозрений о чём?

– Я готов рассказать то, что в моем уме, и только потому, что ты близок мне по крови, милорд. Но, прости меня, если я чем-то тебя оскорблю, но мне кажется странным, что безумие могло так изменить его осанку и манеры? Дело не том, что его осанка и речь уже не царственные, не королевские, но что они отличаются какими-то невероятными мелочами от той осанки и манер, какие были вначале. Вам не кажется странным, что безумие стёрло из его памяти даже черты его родного отца, и он как по команде перестал приносить ему обычные знаки почтения, которые сами собой подразумеваются, или например, оставив в голове латынь, каким-то загадочным образом вытравил из неё греческий и французский языки? Милорд, не обижайся на меня, только сними тяжесть у меня с души и прими мою глубокую благодарность. Меня преследуют его слова, он сказал, что он не принц, а так...

– Молчите, сэр, в ваших словах скрыта измена! Вы забыли приказ короля? Помните, что я, послушай такое, поневоле становлюсь соучастником преступления!

Сент-Джон побледнел и поспешил возразить:

– Я виноват, признаюсь! Не предавай меня, друг мой, даруй мне эту милость, будь любезен, и я больше не вспомню об этом. Пойдите мне навстречу, сэр, иначе я – труп!

– Я доволен, милорд! Если ты не будешь множить на всех углах эти отвратительные байки, будем считать, что ты молчал и ничего не сказано! Но ты обязан забыть о своих фобиях! Он сын моей сестры! Разве его голос, его лицо, его осанка не знакомые мне с колыбели? Безумие может вселить в человека не только странные, противоречивые черты, какие вы видите в нем, но и многое другое. Вы не помните разве, как старый барон Марли, сойдя с ума, забыл вид своего собственного лица? А ведь он не расставался со своей физиономией в течение шестидесяти лет, и меж тем счёл, что оно теперь – чужое, нет, он даже стал утверждать, что был сыном Марии Магдалины, и что его голова была сделана из испанского стекла, и, к сожалению, он щадил никого, кто осмеливался прикоснуться к нему, потому что по его мнению любая небрежная рука могла разбить его. Успокой свои страхи, милорд! Это тот самый принц, я его знаю, как облупленного, и он скоро будет твоим королём! Имей это в виду и больше опирайся на факты, а не на дворовые сплетни.

В продолжении всего их разговора Сент-Джон как заведённый клял свою ошибку, а также неоднократно повторял, что теперь он раскумекал, где правда, а где ложь, и потому теперь у него нет никаких оснований для каких-либо сомнений. Наконец лорд Хертфорд проводил своего товарища, и сел, чтобы побыть в одиночестве. Вскоре и он так глубоко погрузился в размышления, что стал беспокоиться и, чем больше думал, тем больше беспокойство росло. Забывшись, он стал вышагивать по комнате, бормоча:

– Чушь! Он точно принц! Осмелится ли кто-нибудь на всей земле утверждать, что в разных семействах с разной кровью могут появиться столь удивительно схожие младенцы? И даже если бы такое произошло, совершенно невозможно, чтобы один из них очутился на месте другого! Нет, это безумие, глупость, просто глупость!

И добавил:

– Будь он самозванцем, он называл бы себя принцем, что естественно и разумно. Но жил ли когда-либо самозванец, который, будучи признанным людьми принцем, постоянно находясь подле короля, будучи принцем при дворе, стал бы при каких-либо обстоятельствах отрицать своё королевское происхождение и публично умолял бы отпустить его на все четыре стороны вместо того, чтобы когтями и зубами вцепиться в знаки королевского величия? Нет! Клянусь душой святого Свистина, это невозможно! Нет и ещё раз нет! Это настоящий принц, просто свихнувшийся!

Глава VII. Первый королевский ужин Тома

Чуть позже полудня Том вынужден был смиренно испытывать иезуитскую пытку облачения к ужину. Его одели точно так же, как и раньше, но все детали костюма были другими – от шляпы до чулок. Потом целая армия прислуги доставила его в просторный и богато украшенный залу, где уже был установлен стол. Мебель была перегружена золотом, украшена рисунками, которые были почти бесценны, это были работы Бенвенутто. Комната была наполовину заполнилась благородными слугами. Капеллан бойко отбарабанил неизвестную Тому благодарственную молитву, и голодный, как собака, Том уже собирался вонзить клыки в пищу, как граф Беркли отвлек его и стал колдовать над его шеей, застёгивая на ней крахмальную салфетку. Это был официальный «Генеральный Застёгивальщик Королевских Салфеток На Шею Его Высочеству Принцу Уэльскому» и его высокопоставленная семейка вот уже несколько столетий весьма прибыльно кормилась этим дельцем. Там присутствовал и Главный Королевский Виночерпий, добрейший из смертных, приятельски отменявший всякие попытки Тома самому нацедить себе винца в стаканчик. Там же был Верховный Дегустатор Его Высочества Принца Уэльского, готовый по требованию короля испытать на себе любое подозрительное блюдо, рискуя при этом быть отравленным. В это время он уже был только декоративным придатком процедуры и редко призывался к исполнению своей основной функции, но были времена, когда в течение многих поколений это была очень опасная профессия, и порой мало кто претендовал на эту отравленную вакансию, постоянно пребывавшую свободной. Честно говоря, довольно странно, почему для таких нужд не привлекали какого-нибудь пса с его нюхом или алхимика с его чутьём и мензурками, но на самом деле все привычки и нравы королевской власти очень странны. Милорд д'Арс, Первый Камергер Палаты, тоже крутился здесь целый день, а зачем – бог знает, спроси его, зачем он здесь, он и сам не сказал бы, зачем, но он был, а значит – в этом был какой-то смысл! Там, прямо за стулом Тома, внимательно надзирая за торжествами, стоял Лорд Дворецкий Батлер, цепной пёс королевского Ритуала, под командой которого Лорд Главный Слуга и Лорд Главный Повар стояли плечом к плечу, вытянувшись по швам – один высокий и тощий, как скелет, а другой низенький и толстый, как старая пивная бочка. У Тома было триста восемьдесят четыре слуги, больше, чем было блох у его соседа в иной жизни, но они не все были в этой комнате, тут было не больше четверти из них, остальные были на посылах, и Том даже не знал об их существовании.

Всем тем, кто присутствовал на ужине, в течение часа насквозь просверлили мозги инструкциями о временном умопомрачении принца, и о том, что они должны лояльно относиться к любым капризам и фортелям юного наследника. Эти «капризы» вскоре были вывалены перед ними, но они только сострадали и сострадали, представляете, сколько выдержки им было нужно, чтобы хоть раз не расхохотаться при виде великосветских ужимок Тома? Но это были очень хорошие актёры, и они блестяще изображали расстроенных чужим горем добряков. А каким глубоким несчастьем для них было тревожное, пограничное состояние принца! Ну это на виду! А в принципе им было на всё наплевать!

Бедный Том в основном ел руками, но при виде такого зрелища никто не улыбнулся, и даже как бы

ничего не заметил. Том с любопытством изучил свою салфетку, она ему ужасно понравилась, понятно почему – она была изящной, да к тому же пошита из невероятно роскошной ткани. Наконец Том сказал простецки: —

– Приятель, слушай-ка, заведи эту фигню поскорее отсюда, а то я, тьфу-тьфу-тьфу, не дай бог измараю её!

С благоговейным видом Лорд Подвязок и Штор подхватил и беспрекословно унёс салфетку из помещения.

Внимание Тома переключилось на другие сферы. Том с интересом осмотрел репу и салат и спросил, что это такое, и съедобно ли это, потому что только недавно крестьяне стали выращивать эти овощи в Англии вместо того, чтобы завозить их как предмет роскоши из Голландии.

На его вопрос был дан подробный ответ с глубоким пиететом и без малейшей тени удивления. Когда он закончил десерт, то до отказа набил карманы орехами, но никто, кажется, судя по виду, не знал об этом или абсолютно ничего не заметил. Но в следующий момент он сам себя подставил и вляпался в конфуз, потому он был уверен, что единственная вещь, которую ему позволили сделать самому по себе, показала его всем со смешной стороны и что он совершил неправильный и стыдный поступок. В этот момент мускулы его носа начали дергаться, и кончик этого органа поднялся и наморщился. Это продолжалось, и Том стал проявлять растущее беспокойство. Он стал смотреть просительно сначала в глаза одного лорда, потом другого, и слезы навернулись ему на глаза. Они с ужасом подскочили к принцу и на их лицах выразилась величайшая озабоченность. Они стали умолять рассказать им о его проблемах. Том сказал с неподдельной мукой в голосе:

– Будьте снисходительны, парни: но мой нос жестоко чешется! Каков обычай и как следует поступать в этом случае? Ребята, скажите скорее, никаких сил больше терпеть!

Никто не улыбался, но все были в недоумении и только переглядывались друг с другом в глубокой скорби, не зная, какой совет следует дать принцу в столь экстраординарной ситуации. Но вот здесь перед всеми была мертвая стена, и ничто в английской истории не свидетельствовало, как ее преодолеть. Прецедент отсутствовал. Мастера Церемоний не было, никто не чувствовал себя в безопасности, чтобы рисковать на этом неизведанном поле, или как-то пытаться решить эту величайшую в мире проблему. Увы! В государстве в то время к сожалению не было должности Наследственного Почёсывателя Носов. Тем временем слезы переполнили глазные мешки и хлынули по щекам Тома. Его дергающийся нос молил о немедленном облегчении. Наконец, природа сломала барьеры этикета, и Том, взмолившись о помиловании, если он поступает неправильно, противозаконно или ещё как, сам принес себе облегчение и поблажку всему внезапно напрягшемуся двору, быстро почесав себе нос.

Когда обед закончился, пришел лорд и протянул ему широкое, неглубокое золотое блюдо с ароматной розовой водой, чтобы прополоскать рот и омыть пальцы, и милорд Застёгиватель Воротничков стоял с салфеткой наготове. Том посмотрел на блюдо озадаченно, и вдруг мгновенно поднял его к губам и стал жадно пить. Затем он вернулся к ожидающему его лорду и сказал:

– Нет, что-то мне это не очень нравится, милорд: у него довольно приятный вкус, но крепости там – пшик!

Эта новая эксцентричная выходка больного разумом принца заставила сердца всех присутствовавших вздрогнуть, и никому не показалась забавной. Следующая бессознательная ошибка Тома заключалась в том, чтобы встать и покинуть стол в то самое мгновение, когда капеллан встал со своего кресла и воздел руки и закрыв глаза, чтобы начать благодарственный молебен. И все же никто, казалось, не понимал, что принц совершил что-то необычное. По его собственной просьбе наш маленький дружок был теперь проведен в свои покои и остался в одиночестве. По стенам его комнаты на дубовых крючьях висели по частям блестящие доспехи из полированной стальной брони, обильно покрытые прекрасной резьбой, изысканно украшенные золотом и драгоценными камнями. Это воинственное панно принадлежало истинному принцу. Это был недавний подарок от Королевы – мадам Парр. Том надел роскошную накидку, перчатку, головной шлем со страусовым пером в шишаке и другие аксессуары, которые мог нацепить без посторонней помощи, и какое-то время даже думал призвать кого-нибудь на помощь, чтобы облачиться во всё остальное, но тут вспомнил об орехах, которые он натряс на ужине, и обрадовался, что можно погрызть их вдали от целой кучи любопытных наблюдателей, и, слава богу, тут нет надоедливых лордов, надоедливых, как мухи и гото-

вых всё время приставать к нему со всякими дурацкими услугами, поэтому он быстро вернул доспехи обратно на их законные места и стал колоть орехи бюстом какого-то короля. Том впервые почувствовал себя почти счастливым и успокоился, возблагодарив Бога за орехи и одновременно кляня судьбу, забросившую его в принцы. Когда орехи закончились, он подошёл к книжному шкафу и его взгляд вперился в блистающие золотом толстенные книжные переплёты. Там был и толстенный том, целиком посвящённый этике английского двора. Это был истинный подарок судьбы. Том прилег на роскошный диван и самым дотошным образом проштудировал эту книжку, кое-что намотав при этом себе на ус. Оставим его на время за этим благородным занятием.

Глава VIII. Где печать?

Около пяти часов Генри VIII. проснулся от тревожного забытья и пробормотал про себя: «Тяжёлые сны! Мутные виденья! Мой конец близок: этот сон его предвестник, и моё тяжёлое дыхание подтверждает это!»

В его глазах мерцал злой огонь, и он бормотал:

– Но я не умру, пока не издохнет Он!

Его слуги поняли, что он бодрствует, и один из них спросил о желании короля принять лорда-канцлера, который ждал в соседней комнате.

– Призови его! Призови! – нетерпеливо воскликнул король.

Лорд-канцлер вошел и опустился на колени у царского кресла, воскликнув:

– Я отдал приказ, и, согласно приказу короля, лорды его величества в парадных одеждах находятся в судебном присутствии, где, утвердив приговор к смерти герцога Норфолкского, они смиренно ждут, когда его величество распорядится по этому делу.

Лицо короля озарилось жуткой радостью. Он сказал:

– Поднимите меня! Я лично предстану перед своим парламентом, и своей собственной рукой я поставлю печать на приговоре, который избавит меня от...

Его голос прервался, пепельная бледность смела былой румянец с его щёк, и слуги уложили его на подушки и поспешно напоили целебными микстурами. Вскоре он сказал печально:

– Увы, как я жаждал этого сладкого, желанного мгновения! и вот, слишком поздно, когда оно наступило, у меня не осталось ни единого шанса. Но не мешкайте! Пусть другие исполняют долг, который мне не по силам! Я вверяю свою Большую Королевскую Печать особой комиссии: выберите в неё верных лордов, пусть они решат, и завершите вашу работу! За дело, парни! Прежде чем солнце встанет и снова встанет, принесите мне эту голову, чтобы я мог ее увидеть!

– Воля короля священна! Не угодно ли будет вашему величеству, приказать, чтобы Печать была вручена мне, чтобы я мог заняться этим делом?

– Печать? Разве она не у тебя? -Помилуйте, ваше величество, вы взяли её у меня два дня назад, заявив, что ничья рука не коснётся её, пока вы лично, своей дланью не скрепите ей смертный приговор герцогу Норфолку!

– Неужели? Да, я в самом деле брал её, помню... Куда я её дел? Я очень слаб... В эти дни память играет со мной предательские шутки! Странно, странно...

Король зашёлся невнятными бормотаниями, время от времени укоризненно покачивая своей седой головой и пытаясь вспомнить, что он сделал с печатью. Наконец милорд Хертфорд отважился встать на колени и напомнил королю:

– Сэр, осмелюсь напомнить вам, и присутствующие способны подтвердить мою присягу в том, что вы отдали Большую печать в руки его высочества, принца Уэльского, чтобы он хранил её пока у себя до того дня...

– Верно, верно! – прервал его король, – Принеси её сейчас же! Иди! Время не ждёт!

Лорд Хертфорд полетел в покои к Тому, и вернулся к королю спустя очень долгий срок, смущенный и, как ни странно, с пустыми руками. И сразу же довёл до короля следующее:

– С величайшим прискорбием я должен довести до вас, ваше величество, столь тяжёлые и неприятные вести, что мой язык застревает в горле, но на всё воля Божья – болезнь принца не прекратилась, и он не может вспомнить, что он когда-либо получал Королевскую Печать и где теперь она. Спешу сообщить вам об этом, полагая, что поиски печати в целой анфиладе комнат его королевского величества были бы пустой тратой драгоценного времени...

Стон короля прервал его речь. Через некоторое время его королевское величество сказал с глубокой печалью в голосе:

– Не беспокойте его больше! Несчастное дитя! Провидение возлагает на него тяжкое бремя, и сердце мое полно невыразимым состраданием к нему и скорбью, что я не смогу больше возлагать бремя власти на мои старые скорбные плечи, чтобы он был проводил свои дни в счастье и покое!

Он закрыл глаза, упал на подушки, пробормотал что-то, и замолк. Спустя какое-то время он снова открыл глаза и стал вращать глазами, пока его взгляд не упал на коленопреклоненного лорда-канцлера. В мгновение лицо короля вспыхнуло от гнева.

– Так ты ещё здесь? Клянусь богом, если ты не покончишь сейчас же с этим предателем, твою шляпу не на что будет надевать – боюсь, у тебя не будет головы!

Дрожащий от страха канцлер отвечал:

– Так точно, ваше величество, всё в вашей милости! Я лишь жду Печати!

– Любезный, ты в своём уме? Маленькая Печать, которую я раньше собирался взять с собой за границу, лежит в моей казне. И, коль скоро Большая печать где-то, тебе что, не хватает малой? Ты совсем рехнулся? Прочь! И не возвращайся, пока не принесёшь его головы!

Бедный канцлер мгновенно испарился из опасной близости к гневу короля, а комиссия, не тратя время, поспешно утвердила приговор рабского парламента и назначила завтрашний день днём казни бывшего премьер-министра Англии – бесчестного герцога Норфолка.

Глава IX. Река

В девять вечера весь огромный фасад королевского дворца неистово сверкал, весь залитый светом и огнями. Сама река, насколько могло хватить глаз, вплоть до самого города, была сплошь покрыта речными барками, и увеселительными лодками, украшенными с носа до кормы цветными фонарями. Мягко покачиваясь на волнах,, они напоминали светящийся бескрайний сад, с цветами, и легко колеблемыми от тёплого летнего ветра. Огромная терраса с каменными ступенями, ведущими к воде, была столь обширной, что на ней могла бы разместиться армия небольшого немецкого княжества. Картина была чудесной: перед нами выстроились ряды королевских алебардчиков в полированной сверкающей броне, сзади остальные войска и толпы блестяще наряженных сновали вверх и вниз, совершая последние приготовления к празднику.

Вскоре была дана команда, и на ступеньках не осталось ни одного живого существа. Атмосфера напряжённого ожидания мрачно повисла в воздухе. Было видно, что мириады людей в лодках поднимаются и загораживая глаза от яркого света фонарей и факелов руками, с жадным любопытством смотрят на дворец.

Сорок-пятьдесят барж качались на воде у самых ступеней лестницы. Это были роскошные королевские суда – богато украшенные, вызолоченные и все сплошь в витиеватой резьбе. Их возвышенные носы и кормы были тщательно вырезаны. Некоторые из них были украшены баннерами и длинными полощущими на ветру флагами, некоторые из роскошной ткани с орлами, выполненными золотым шитьём, многие с вышитыми гербами, иные с шелковыми флагами, с привязанным к ним множеством бесчисленных серебряных колокольчиков, которые звонко гремели своей радостной музыкой всякий раз, когда их обдувало лёгким бризом. Суда, принадлежащие свите принца, были ещё более вычурны, их борта были сплошь украшены щитами, на которых живописно блистали различные позолоченные гербы. Каждая государственная баржа буксировалась маленьким ловким буксиром. Помимо гребцов, на этих судах были как воины в блестящих кирасах и шлемах, так и группы музыкантов.

Скоро в главных воротах появился авангард ожидаемой процессии – отряд алебардчиков.

«Они были одеты в широкие полосатые штаны, в черные и рыжеватые бархатные шапки, украшенные по бокам серебряными розами, и мундиры из бордовой и тёмно-синей ткани, с тремя перьями, гербом принца, вышитые спереди и сзади золотой нитью. их алебарды были покрыты малиновым бархатом, скреплены золочеными гвоздями и украшены золотыми кистями. Они выстроились двумя длинными шеренгами по обеим сторонам лестницы и протянулись от ворот дворца до самой воды. Слуги принца, красовавшиеся в золотисто-красных ливреях, разворачивали толстую сверкающую дорожку, похожую на ковёр. Как только они закончили, во дворце раздался громкий вой труб. Музыканты в лодках подхватили эту весёлую прелюдию, и два тамбур-мажора с белыми стеками медленным и величественным шагом прошествовали от портала ворот. За ними последовал офицер с гражданской булавой в руках, за ним следовал ещё один с мечом города, затем несколько сержантов городской гвардии, в полном облачении и со значками на рукавах, затем Герольд короля, в его роскошной мантии, затем несколько Рыцарей Бани, с белым кружевными рукавами, затем их оруженосцы, затем судьи в алых одеждах и башмаках, затем лорд Верховный канцлер Англии, в алой бархатной мантии, и длинным воротником из горностаия, затем депутация старейшин в алых плащах, затем руководителей различных гражданских учреждений в гражданских камзолах. Потом прошли двенадцать французских джентльменов, в великолепных полосатых шёлковых жилетах, украшенных золотым шитьём, алых бархатных плащей с подкладкой из фиолетовой тафты, и тёмно-багровые широкие штаны – и спустились по ступеням. Это была свита французского посла.

За ними двигались двенадцать кавалеров из свиты испанского посла, одетые в черный бархат, без каких-либо украшений. После них появилось несколько замечательных английских дворян со своими слугами.

Снова взвыли трубы, и дядя принца, будущий великий герцог Сомерсет, вышел из ворот, одетый в наряд из черной с золотом парчи и малиновом сатиновом плаще, украшенного золотом, и расшитом серебром. Он повернулся, снял свою шляпу с высокой тульёй, согнулся в низком почтительном поклоне и стал спускаться, кланяясь на каждом шагу. Затем последовал продолжительный трубный взрыв и прокламация «Путь к высокородному и могущественному лорду Эдуарду, принцу Уэльскому!» Высоко в небо над стенами дворца с громким грохотом взмыла длинная вереница красных язычков пламени, и весь народ на реке взорвался могучим приветственным ревом. И Том Кенти, причина и герой всего этого, вышел в центр людского внимания и слегка поклонился толпе гордым царственным челом.

На нём был «роскошный камзол из белого атласа с нагрудником из фиолетовой парчи, обсыпанным бриллиантами и отороченный горностаем. На плечи его была наброшена мантия из белой с золотом парчи с вышитыми золотом на голубом фоне тремя золотыми перьями, с жемчугами и драгоценными камнями с огромной бриллиантовой застёжкой. На его шее висел Орден Подвязки и несколько иностранных орденов, и куда бы ни падал свет, драгоценности на его груди блистали ослепительным светом. О, Том Кенти, рожденный в лачуге, выросший в мрачных трущобах Лондона, знакомый с тряпьем, грязью и страданиями, ох, что это было за зрелище!

Глава X. Беды Принца

Мы оставили Джона Кенти, влачащим законного принца в Мусорную Пустошь, с шумной и восхищенной толпой отребий, бегущей по пятам за ним. В толпе был только один человек, который осмелился заступиться за несчастного мальчика и просил освободить его, но никто не слушал его, ор и суматоха были так велики, что его едва ли кто-то мог услышать. Принц продолжал бороться за свободу и гневно отбивался от бывшего его человека, до тех пор, пока Джон Кенти не потерял остатки терпения и не поднял свою дубовую дубинку в ярости над головой принца. Единственный защитник принца попал под горячую руку, когда пытался остановить удар Джона Кенти, и удар дубинки пришёлся ему по руке. Кенти взревел:

– И ты хочешь получить по заслугам?? Вот тебе подарок!

Его дубинка врезалась в голову незадачливого защитника: раздался стон, тело рухнуло на землю у ног толпы, и в следующий момент ударилось о землю в темноте и застыло. Толпа промчалась по трупу, ничуть не огорчившись смерти человека. Вскоре Принц оказался в обители Джона Кенти, и только тут дверь комнаты закрылась от посторонних глаз. При смутном свете сальной свечи, засунутой в бутылку, он различил основные очертания отвратительного логова, открывшегося перед ним, а также успел рассмотреть его обитателей. Двое неряшливых девушек и женщина средних лет прижались к стене в одном углу, с видом животных, привыкших к суровой жизни и побоям, и ожидая и боясь получить их снова. С другого угла выкарабкивался увядший старый зверь – ведьма с стоящими дыбом седыми волосами и злобным взором. Джон Кенти рявкнул ей:

– Отвали! Здесь у нас прекрасный балаган! Стой там и смотри, пока не насладишься забываемым зрелищем, потом можешь лупить его, сколько хочешь! Иди сюда, парень! Теперь скажи свою глупость снова, если ты её ещё не забыл! Как тебя зовут, ты говорил? Кто ты таков?

Оскорбленные чувства снова ударили в голову маленького принца, и он обратил на лицо мужчины пристальный и негодующий взгляд и сказал:

– Наглюга! Как ты осмеливаешься приказывать мне, чтобы я что-то говорил? Повторяю тебе, как я уже сказал тебе, я – Эдвард, принц Уэльский, и никто другой!

Ответ принца так ошеломил старую ведьму, что у неё ноги словно к полу приклеились, она даже не шелохнулась от неожиданности, и осталась стоять там, где стояла, едва переводя дыхание. Она с изумлением уставилась на принца, что так забавляло ее грубоватого сына, что он рассмеялся. Но влияние всего этого на мать и сестёр Тома Кенти было другим. Их страх, что Тома покалечат или убьют, сразу же уступил место ужасу другого рода. Они боялись, что от жизни такой он теперь совсем свихнулся! Они бросились к нему, причитая, со смятением на лицах и вопя: -О, мой бедный Том, бедный малыш!

Мать упала на колени перед принцем, положила руки ему на плечи и тоскливо посмотрела ему в лицо сквозь набегающие слезы. Затем она завывала:

– О, мой бедный мальчик! Твое безрассудное чтение, наконец, настигло тебя и отняло твой разум. Ах! Зачем ты увлёкся этой пагубой, когда я так предупреждала тебя? Ты разбил сердце твоей матери!

Принц посмотрел ей в лицо и сказал мягко:

– Твой сын здоров, и он в своём уме, мадам! Успокойся! Позволь мне отправиться во дворец, где он сейчас, и тотчас король, мой отец, вернет его к тебе!

– Король, твой отец!? О, дитя мое! Ради бога! Не говори таких слов, какие для нас хуже смерти, и грозят разрушить всю нашу жизнь! Страхнись себя это ужасное наваждение. Верни свою бедную блуждающую память! Посмотри на меня! Разве я не твоя мать, которая выносила тебя и любила тебя?

Принц покачал головой и нехотя сказал:

– Видит бог, я не хочу терзать твое сердце, но на самом деле я никогда раньше не видел твоего лица!

Женщина опустилась и без сил села на пол и, закрыв глаза руками, предалась душераздирающим рыданиям и воплям.

– Так, господа и дамы! Шоу продолжается! – крикнул Кенти, – Что, Нэн? Бет? Ах вы, простофили! Вы так и будете, как последние олухи, стоять в присутствии принца? На колени, подлые негодяйки! На колени! А ну гнитесь перед ним!

Сказав это, он дико захохотал. Девочки стали робко молиться за своего брата, и Нэн сказала:

– Отпусти его спать, отец! Покой и сон исцелят его безумие! Пусть идёт спать!

– Отпусти его, отец, – сказал Бет, – Ты видишь, как он измучен! Он более измучен, чем когда-либо! Завтра он снова придёт в себя, и будет честно просить подавание и вернётся домой не с пустыми руками!

Это замечание отрезвило чрезмерную радость отца и вернуло его к делу. Он сердито повернулся к принцу и сказал:

Завтра мы должны заплатить два гроша хозяину этой дыры, заметь, это деньги за полгода! Иначе нам дадут пинком под зад! Покажи, ленивец, что ты собрал сегодня! Принц сказал:

– Не трогай меня своими грязными делами. Я снова повторяю тебе, что я сын короля!

Пронзительный удар широкой ладони Кенти по плечу принца заставил его шарахнуться в объятия Кенти-матери, которая схватила его, прижала к груди и укрыла своим телом от груди ударов, которые предназначались наследнику престола. Испуганные девушки отступили в своей угол, но любящая бабуля с готовностью шагнула вперед, чтобы помочь сыну в его благом начинании. Принц отпрыгнул от миссис Кэнти, восклицая:

– Ты не должна страдать за меня, мадам. Пусть эти свиньи отыгрываются только на мне!

Эта речь привела в ярость этих свиней до такой степени, что они отложили все свои дела и без лишних слов набросились на принца и стали немилосердно колотить его со всех сторон. Сначала досталось бедному принцу, а потом они навалили и сёстрам заодно с матерью за сочувствие жертве.

– Теперь, – сказал Кэнти, – спать, все вы, спать! Шоу закончено! Клоуны ушли!

Свет погас, и семья удалилась на покой. Как только громкий храп главы семейства и его матери показал, что они спали, молодые девушки подкралась туда, где лежал принц, и стали нежно укрывать его от холода соломой и тряпками, и мама тоже подкралась к нему, погладила его по головке и плакала над ним, шепча в ухо слова утешения и сострадания. Она припасла ему кусок хлеба, чтобы поесть, но побитый малыш есть не хотел – по крайней мере, эти черные и безвкусные корки. Его тронуло ее смелая и самоотверженная защита и ее трогательное сочувствие и доброта, и он поблагодарил её в очень изысканных, благородных, воистину королевских словах и попросил идти спать и попытаться забыть все печали. И он добавил, что король, его отец, вознаградит её за верность, преданность и доброту, проявленную к нему, принцу Уэльскому. Это впадение её сына в полное безумие снова затмило ее сердце, и она снова и снова отчаянно прижала его к груди, а затем вернулась и утонула в слезах в своей постели.

Когда она лежала и плакала, то размышляла и в ее голове появилось странное ощущение того, что в этом мальчике есть нечто такое, чего не было в Томе Кенти, И ей этого очень не хватает, разумный ли он на самом деле, или безумен Она не могла понять это ощущение, она не могла сказать, что это было, и все же ее острый инстинкт матери, казалось, обнаружил подмену и ощутил её. Что, если мальчик действительно не был ее сыном, в конце концов? О, абсурд! Она почти улыбнулась этой идее, несмотря на свои печали и неприятности. Независимо от того, она обнаружила, что это мысль не покидает её, а напротив, только укрепляется в её уме, преследуя её. Мысль не оставляла её, бежала за ней, гналась, крутилась вокруг, она прижималась к ней и отказывалась убираться или исчезнуть. В конце концов мамаша Тома осо-

знала, что не будет никакого мира для нее, пока она не проверит,, четко и без сомнения, был ли этот парень ее сыном или нет, и таким образом её сердце покинут тревожные сомнения. Ах, да, это был правильный выход из затруднения, поэтому она сразу задумалась, как наилучшим образом осуществить эту проверку. Но легче сказать, чем исполнить. Она перебирала в своем уме одно многообещающее испытание за другим, но была вынуждена отказаться от них всех – ни одно из них не давало абсолютной уверенности, не было абсолютно совершенным, а и несовершенное испытание не могло удовлетворить ее. Может быть, она тряхнула головой, ей что-то просто померещилось, всё это тщетно и лучше отказаться от этой затеи. Пока эта удручающая мысль терзала ее разум, ее ухо поймало регулярное дыхание мальчика, и она знала, что он заснул. И она услышала, что его размеренное, ровное дыхание прерывается тихим, испуганным криком, таким, каким кричат все дети в смутном сне. Это случайный крик мгновенно подсказал ей план, который стоил всех остальных планов вместе взятых. Она сразу же стала лихорадочно, но бесшумно, чтобы никто не слышал, зажигать свечу, бормоча себе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.